УДК 001.8:303.82 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–6–57–67

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЭТОС И КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Горин Д.Г.[1]

На основании анализа соотношения универсализма научного этоса и особенностей развития науки в разнообразных цивилизационно-культурных условиях в статье выявляется влияние культурных факторов на формирование и реализацию научного потенциала современного исследователя. *Целью статьи* является определение параметров культуры, влияющих на модальности функционирования науки и возможности развития научного потенциала исследователей, работающих в определенной культурной среде. Культурные факторы развития научного потенциала рассматриваются в контексте соотношения науки с иными формами знания, религией, идеологическими ориентациями, особенностями национального сознания. Потребность общества во внедрении продуктов научно-исследовательской деятельности и капитализации достижений науки, общественная значимость науки и способность научного сообщества к поддержанию автономии, саморегуляции и отстаиванию своих интересов зависят от особенностей культурной среды. Утверждается, что существенное значение для развития научного потенциала имеет соотношение ценностей научной рациональности с доминирующими в данном обществе ценностными ориентациями. Одним из наиболее важных параметров системы ценностей является соотношение ценностей выживания и самовыражения. Автор приходит к выводу о необходимости учета культурных параметров в прогнозировании развития научного потенциала.

Подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-23-03003).

Ключевые слова: наука, научный потенциал, научный этос, культурные факторы, инновация, традиция.

Горин Дмитрий Геннадьевич – доктор философских наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Департамента политических наук и социологии, адрес: 117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 28, корп. 1, ауд. 340, e-mail: dm.gorin@mail.ru

UNIVERSAL SCIENTIFIC ETHOS AND CULTURAL SPECIFICS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC POTENTIAL OF THE MODERN RESEARCHER

GORIN D. G. – Doctor of PhilosophicalSsciences, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Based on the analysis of the relationship between the universalism of the scientific ethos and the characteristics of the development of science in various civilizational and cultural conditions, the article reveals the influence of cultural factors on the formation and realization of the scientific potential of the modern researcher. The purpose of the article is to determine the parameters of culture that affect the modalities of science functioning and the possibility of developing the scientific potential of researchers working in a particular cultural environment. Cultural factors of the development of scientific potential are considered in the context of the relationship of science with other forms of knowledge, religion, ideological orientations, features of national consciousness. The need of society in introducing the products of research and capitalization of science, the social significance of science and the ability of the scientific community to maintain autonomy, self-regulation and defend their interests depend on the characteristics of the cultural environment. It is argued that the relationship between the values of scientific rationality and the value orientations that dominate in a given society is essential for the development of scientific potential. One of the most important parameters of the value system is the ratio of the values of survival and self-expression. The author comes to the conclusion that it is necessary to take into account cultural parameters in forecasting the development of scientific potential.

It is prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 17-23-03003).

***Keywords*:** science, scientific potential, scientific ethos, cultural factors, innovation, tradition.

Развитие современной науки испытывает влияние многообразных социальных и культурных факторов, которые в значительной степени влияют на условия формирования научного потенциала современного исследователя,

набор его ценностей, убеждений и исследовательских практик, интеграцию научных сообществ, профессиональную и общественную оценку результатов научной деятельности. Научный потенциал современного исследователя может быть рассмотрен в ракурсе совокупности тех возможностей, которые предоставляет общество для осуществления научно-исследовательской деятельности. В таком понимании научный потенциал отражает условия, средства и ресурсы, которыми располагает общество для развития науки. Существенное значение имеют те условия, средства и ресурсы, которые определяются доминирующими в данном обществе культурными ориентациями, в том числе характером соотношения научного этоса и установок, поощряемых конкретной культурной средой.

Взаимодействие науки и культуры в этом смысле имеет цикличный характер. С одной стороны, воспроизводство современного научного потенциала в немалой степени зависит от господствующих в обществе системы ценностей и образа мысли, качества человеческого капитала и системы образования, особенностей капитализации научного знания и поддержки научно-исследовательской деятельности со стороны государства, бизнеса, гражданского общества. С другой стороны, в современных обществах возрастает влияние науки на общественные процессы и культурные ориентации, что отражает расширение и дифференциацию социальных функций науки. Поэтому научный потенциал может рассматриваться в качестве культурной характеристики современных обществ, а прогнозирование развития науки и научного потенциала должно учитывать культурные факторы, которые требуется операционализировать.

Определение характера и степени влияния культурных факторов на развитие и институционализацию научно-исследовательской деятельности является дискуссионным и проявляется в спорах между интерналистами (А. Койре, Р. Холл, Дж. Агасси и др.) и экстерналистами (Р. Мертон, А. Кромби, Г. Герлак, Э. Цильзель, Дж. Нидам, С. Лилли и др.), которые продолжаются несколько десятилетий. Первые исходят из того, что наука развивается прежде всего в силу внутренних факторов. Вторые рассматривают научно-исследовательскую деятельность как часть культуры, полагая внешние по отношению к ней факторы в качестве определяющих. Несмотря на разногласия, общепризнанным является тот факт, что влияние внешних по отношению к науке факторов состоит не только в установлении ограничений и предоставлении возможностей научному сообществу, работающему в определенных культурных условиях, но и в особенностях распространения

научного дискурса, который в современных обществах выходит за рамки узкопрофессиональной среды.

Социальные и культурные процессы, благодаря которым происходит производство, обсуждение, оценка и передача научных идей, рассматриваются в современных исследованиях сквозь призму этоса науки (Р. Мертон)[1], идеологических ориентаций обществ модерна (Ю. Хабермас)[2], концепций знания-власти и научных дискурсов (М. Фуко)[3], критического анализа науки в теории деконструкции (Ж. Деррида)[4] и т.д. Аргументация и риторические приемы, которые задействуются в научных дискуссиях, имеют явные культурные коннотации. Роль таких коннотаций усиливается по мере вхождения научных дискурсов в публичные пространства. Например, на основании анализа публикаций в наиболее популярных американских периодических изданиях (в том числе «Time», «Newsweek», «Popular Science») Дж. Александер пришел к выводам о том, что научные и технические инновации в массовой культуре осмысливаются в контексте традиционно-религиозного противопоставления спасения и апокалипсиса, что создает в обществе завышенные ожидания и неоправданные страхи относительно новых научных достижений[5]. Другой пример связан с исследованием А. Кламером характера роста, передачи и распространения экономического знания, в котором проводится сравнительный анализ общих ценностей, определяющих дискуссии бейсбольных фанатов и навыки, требующиеся от участников экономического дискурса[6].

Современная научная деятельность разворачивается в культурных условиях техногенной цивилизации (В.С. Степин[7]), имеет культурное содержание, связанное с ментальными предпосылками развития научной рациональности и возможностями трансляции соответствующего нормативно-этического комплекса (этоса науки). Это проявляется как в мышлении, так и в

---

[1] Мертон Р. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. – 2007. – Том I. – Вып. 1. – С. 197–207.

[2] Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. – М.: Праксис, 2007.

[3] Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996.

[4] Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000.

[5] Alexander J. (1992). The Promise of a Cultural Sociology: Technological Discourse and the Sacred and Profane Information Machine // Theory of Culture / Ed. by R. Munch and N.J. Smelser. – Berkeley: University of California Press. – P. 293–323.

[6] Klamer A. (1988). Economics as Discours // The Popperian Legacy in Economics / N. De Marchi (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. – P. 259–278.

[7] См.: Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992. – С. 48–56.

структурах общественной организации и институциализации науки, а также в характерной государственной политике в сфере науки и образования. Этос науки интегрирует целый ряд ценностных и моральных императивов, имеющих значение, выходящее за рамки научной деятельности. Р. Мертон, исследовавший этос науки, пришел к выводу о том, что взаимодействие познавательных и социальных компонентов в нормах поведения исследователей привело к формированию таких императивов, как универсализм, всеобщность, незаинтересованность и организованный скептицизм[1]. Согласно этим императивам, исследователь оценивает труд своих коллег не на основе личных симпатий, а руководствуясь исключительно универсальными критериями и процедурами обоснованности знания (универсализм). Результаты научной деятельности рассматриваются как продукт совместных усилий и сотрудничества исследователей (всеобщность). Исследователь должен быть готов согласиться с любыми обоснованными фактами, даже если они противоречат его собственным убеждениям (незаинтересованность). И наконец, необходимым условием развития науки является установка на предельную самокритичность и участие в критике существующего знания в целях его улучшения (организованный скептицизм).

Эти и другие ценностные ориентации, характерные для научного этоса, обрели универсальный характер. Однако функционирование науки происходит в конкретных социальных и культурных условиях. Поэтому существенное значение имеет анализ взаимодействия науки, основанной преимущественно на универсальных знаниях, методах и принципах решения задач, и культуры, которая характеризуется высоким разнообразием и в значительной степени определяется самобытными ориентациями.

Современные исследования показывают сложность соотношения универсального и самобытного применительно к развитию науки. С одной стороны, культура включает в себя ценностно-смысловые элементы, которые особым образом влияют на развитие науки и институциализацию научной деятельности. С другой стороны, исследования особенностей развития науки в восточных обществах свидетельствуют, что и сама наука может существовать и развиваться в разных ментальных модальностях. Для компаративного исследования влияния культуры на формирование и реализацию научного потенциала эта альтернатива предстает как предметное поле сопоставления качества научного потенциала и предпосылок развития научной деятельности в соответствующих культурных условиях.

---

[1] Merton R.K. (1973) The Sociology of Science. – Chicago: Chicago University Press. – P. 267–278.

Эта проблематика, в частности, рассматривается в контексте сравнения цивилизационно-культурных условий развития науки в обществах Запада и Востока, что имеет значение для уточнения места научного знания в структуре общественных институтов с присущими им символическими структурами, ценностными ориентациями, смысловыми средствами.

Индийский историк и теоретик науки А. Рахман полагал, что в течение длительного времени наука была тесно переплетена с религией, а различия в динамике развития научного потенциала связываются с освобождением науки из-под влияния религии в процессе модернизации и секуляризации современных обществ[1]. Действительно, одним из факторов, имеющих существенное влияние на развитие или сворачивание научно-исследовательской деятельности, являются религиозные различия. Например, развитие экспериментального естествознания в Европе в значительной степени стало следствием эволюции западного христианства, которая проявляется, например, у Николы Кузанского и в натурфилософии эпохи Ренессанса. Как замечал В.И. Вернадский, православное духовенство не имело укоренившегося представления о ценности науки, в отличие «от духовенства католического или протестантского, среди которого никогда не иссякала естественно–научная творческая мысль»[2].

Логика рассуждений, вытекающих из исследований, подобных исследованию А. Рахмана, состоит в поиске культурных условий, способствующих или препятствующих развитию науки в незападных обществах. Развитие этой проблематики связано с многотомным трудом «Наука и цивилизация в Китае»[3], который способствовал образованию в Кембридже вокруг его автора – британского исследователя Дж. Нидема –центра по изучению развития науки в различных цивилизационно-культурных условиях. Сторонники Дж. Нидема исходили из того, что был доказан сам факт существования в Китае «самобытной китайской науки», которая по целому ряду своих характеристик может быть определена именно как наука – система знаний, построенная на фактическом материале, демонстрирующая методы работы с эмпирическим материалом и высокий уровень теоретических обобщений (хорошо известно, что

---

[1] Rahman A. (1972) Trimurti: Science, Technology and Society: A Collection of Essays. Delhi: People's Publishing House. – P. 308; Rahman, A. (1983) Intellectual Colonization: Science and Technology in East-West Relations. – New Delhi. – P. 158.

[2] Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988. – С. 66.

[3] Needham, J. (1954-1982) Science in Traditional China: a Comparative Perspective. – Cambridge. – Vol. 1-5; Blue, G. (1998) Joseph Needham, Heterodox Marxism and the Social Background to Chinese Science // Science and Society. – № 62. – P. 195–217; Зинин С.В. Китайская традиционная наука и Джозеф Нидем // Восток. – 1997. – № 1. – С. 113–123.

до конца Средневековья по своим научным достижениям Китай в некоторых областях превосходил Европу). При этом «самобытная китайская наука» настолько тесно была связана с духовной традицией и цивилизационно-культурной спецификой, что оказалась труднопереводимой на язык европейской научной рациональности. Причины торможения развития научного потенциала в Китае Дж. Нидем видел в институциональных условиях «феодального бюрократизма». По его мнению, бюрократические структуры способствовали до некоторого времени развитию науки, поскольку могли аккумулировать существенные ресурсы для исследований. Но ориентация на жесткие конфуцианские ценности, в которых исследованию природы не придавалось большого значения, преобладание централизованной сельскохозяйственной экономики и ориентация феодальной бюрократии на поддержание стабильности привели к торможению развития науки.

Наряду с выявлением условий, влияющих на культурную специфику научной рациональности, в исследованиях развития науки в незападных обществах существует иной подход, который исходит из тезиса о западном происхождении современной науки и, соответственно, об инородности ее для незападных обществ. Иными словами, речь в этих исследованиях идет не о том, какие социальные и культурные факторы способствуют или препятствуют развитию науки, а каким образом происходит взаимодействие науки с самобытной культурой незападных обществ. Сторонников этого подхода можно разделить на приверженцев моделей симбиоза и конфликта[1]. Первая модель в различных вариантах описывает интеграцию двух начал – научно-технического и самобытно-культурного. Для сторонников второй модели характерно отрицание универсального характера науки и техники, гносеологического и гуманистического значения западной науки, которая рассматривается как феномен, рождающийся в уникальных цивилизационно-культурных условиях западного общества под влиянием трансформаций, связанных с Ренессансом и Реформацией, становлением духовных, социально-экономических и политических структур общества модерна. Сторонники указанного подхода, как правило, связывают эти процессы с разрушением целостности мира, духовной гармонии бытия и смысла жизни. В частности, развитие «западной науки» рассматривается как результат разрыва между человеком и мирозданием, который произошел в европейской культуре нового времени. В качестве проявлений разрушения «священного знания», составляющего основу традиционной духовности, называются утверждение автономности человека,

[1] Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – С. 211–214.

свержение авторитетов, устранение традиций. Подобного подхода придерживается, в частности, иранский исследователь С. Наср, по мнению которого, развитие «западной науки» привело к распаду не только целостности бытия и восприятия мира, но и к существенным дисгармониям современной техногенной цивилизации[1].

Такого рода концепции, противопоставляющие научную рациональность традиционному знанию, интегрирующему гносеологическое и ценностное начала традиционных обществ, часто связаны с проблематикой модернизации, в том числе с анализом примеров срыва модернизационных проектов. Существенное значение эта проблематика имеет в анализе развития науки в России. Противопоставление «западной учености» и «русской духовности» – тема, вошедшая в российский публичный дискурс во времена Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева (или еще раньше, если иметь в виду критику А.С. Хомяковым научной рациональности). В советском обществе это противопоставление было дополнено ленинским принципом о раздвоении науки на науку буржуазную, эксплуататорскую и науку подлинную, пролетарскую. В советской философии науки господствовал принцип, согласно которому знание, рождающееся в специальных научных областях (таких, как медицина, география, биология и тем более социология), – это знание частное, не создающее самостоятельной картины мира, а обретающее общественную легитимность только путем соединения его с «высшим знанием» – общими представлениями и законами, открытыми «диалектическим и историческим материализмом». Наиболее болезненно этот подход сказался на состоянии социально-гуманитарных наук (хотя и не только). В последние годы наука оказывается под давлением нового дискурса, конструируемого консервативной частью политической элиты и церковного клира. Утверждение научного этоса с его универсализацией автономии личности и современного типа научной рациональности объявляется причиной глубочайшего духовного кризиса, для преодоления которого предлагается вернуться к «традиционным ценностям». Попытки создания своеобразных инновационных оазисов как «точек роста» научно-исследовательской и инновационной сферы вряд ли будут успешными, если в публичной сфере будут поддерживаться антинаучные и антиинновационные дискурсы, подрывающие престиж науки и научно-исследовательской деятельности.

Проявление культурных факторов развития научного потенциала носит весьма разнообразный характер и может быть описано в двух ракурсах, которые

[1] Nasr S. H. (1971) Islamic Science: An Illustrated Study. – Hardcover.

используются в аналитическом описании культуры и связаны с различением объективированных и субъективированных элементов культуры. К объективированным элементам относятся физические манифестации культуры: архитектурная среда, артефакты, предметы, одежда и т.п. Например, выселение Института философии РАН из здания в центре Москвы, вызванное необходимой реконструкцией одного из лучших российских музеев, стало очевидным признаком снижения престижа академической науки. Объективированные манифестации образа современного исследователя требуют анализа с точки зрения определения культурных модальностей, в которых он себя воспроизводит, в том числе его общественного признания, престижности и доверия/недоверия к нему и результатам научно-исследовательской деятельности. Субъективированные элементы представляют собой «невидимые» элементы культуры, такие как традиции, ценности, обычаи, нормы, установки. Эти элементы также оказывают влияние на институциональную среду, этос науки, характер соотнесения традиционности и инновационности в научных исследованиях. Принципиальное значение имеет соотношение в культуре ценностей выживания и самовыражения.

Сценарное прогнозирование развития научного потенциала в конкретных социальных и культурных условиях требует учета как минимум следующих факторов, отражающих особенности культуры:

– обоснование ценностей научной рациональности и их соотношение с доминирующими в данном обществе ценностными ориентациями;

– степень и характер автономности научной деятельности, включая реализацию принципов академической свободы и университетской автономии, особенности финансирования научной деятельности, ее зависимость от государственных интересов и бизнеса, характер капитализации достижений науки;

– потребность общества во внедрении инновационных продуктов научно–исследовательской деятельности, которая зависит, в частности, от уровня развития человеческого капитала, особенностей системы образования, доверия к науке и научной картине мира;

– особенности идентичности научного сообщества, в том числе общественный престиж научной деятельности и способность научного сообщества к отстаиванию своих интересов и пресечению типов поведения, противоречащих научному этосу.

Исследование влияния культурных факторов на формирование и реализацию научного потенциала должно, таким образом, включать в себя

проблематизацию соотношения универсального и самобытного как в соответствующих культурах, так и в модальностях развития научного потенциала (в том числе его соотношения с иными формами знания, религией, идеологическими ориентациями, особенностями национального сознания).

Библиография / References:

1. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М.: Наука, 1988.
2. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000.
3. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002.
4. Зинин С.В. Китайская традиционная наука и Джозэф Нидэм // Восток. – 1997. – № 1.
5. Мертон Р. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. – 2007. – Том 1. – Вып. 1.
6. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992.
7. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996.
8. Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. – М.: Праксис, 2007.
9. Alexander, J. (1992) The Promise of a Cultural Sociology: Technological Discourse and the Sacred and Profane Information Machine // Theory of Culture / Ed. by R. Munch and N.J. Smelser. – Berkeley: University of California Press.
10. Blue, G. (1998) Joseph Needham, Heterodox Marxism and the Social Background to Chinese Science // Science and Society. – № 62.
11. Klamer, A. (1988) Economics as Discours // The Popperian Legacy in Economics / N. De Marchi (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press.
12. Merton, R.K. (1973) The Sociology of Science. – Chicago: Chicago University Press.
13. Nasr, S. H. (1971) Islamic Science: An Illustrated Study. – Hardcover.
14. Needham, J. (1954-1982) Science in Traditional China: a Comparative Perspective. – Cambridge. – Vol. 1-5.
15. Rahman, A. (1983) Intellectual Colonization: Science and Technology in East-West Relations. – New Delhi.
16. Rahman, A. (1972) Trimurti: Science, Technology and Society: A Collection of Essays. – Delhi: People's Publishing House.

1. Vernadskiy, V.I. (1988) Trudy po istorii nauki v Rossii [Works on the History of Science in Russia]. – M.: Nauka. (In Russ.)

2. Derrida, ZH. (2000) O grammatologii [Of Grammatology]. – M.: Ad Marginem. (In Russ.)

3. Yerasov, B.S. (2002) Tsivilizatsii: universalii i samobytnost' [Civilizations: Universalities and Self-distinction]. – M.: Nauka. (In Russ.)

4. Zinin, S.V. (1997) Kitayskaya traditsionnaya nauka i Dzhozef Nidem [Chinese Traditional Science and Joseph Needham] // Vostok [East]. – № 1. (In Russ.)

5. Merton, R. (2007) Nauka i sotsial'nyy poryadok [Science and the Social Order] // Voprosy sotsial'noy teorii [Questions of Social Theory]. – Tom 1. – Vyp. 1. (In Russ.)

6. Stepin, V.S. (1992) Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki [Philosophical Anthropology and Philosophy of Science]. – M.: Vysshaya shkola. (In Russ.)

7. Fuko, M. (1996) Arkheologiya znaniya [Archeology of Knowledge]. – Kiyev: Nika-Tsentr. (In Russ.)

8. Habermas, YU. (2007) Tekhnika i nauka kak ideologiya [Technology and Science as Ideology]. – M.: Praksis. (In Russ.)